

Дмитрий Хворостовский: Оперное пение — это экстремальный процесс

Знаменитый певец рассказал, как заботится о голосе, и признался, что его пока не тянет на мемуары.

На недавно завершившемся XIX Международном фестивале мастеров искусств «Славянский базар в Витебске» традиционный День России был представлен не гала-представлением звезд разных жанров, а сольным концертом Дмитрия Хворостовского в сопровождении Президентского оркестра Республики Беларусь. Концерт стал едва ли не главным событием фестиваля, подтвердив, что хоть живет Дмитрий на Западе, но во всех уголках планеты его воспринимают именно как посланника России и нашей великой культуры.

После успешного выступления в переполненном 6,5-тысячном Летнем амфитеатре Витебска народный артист России пообщался со специальным корреспондентом «ВП».

Концерты, которые не забыть...

— Дмитрий Александрович, я знаю, что организаторы фестиваля «Славянский базар» в течение пяти — семи лет «охотились» за Хворостовским, стараясь пригласить вас на этот праздник искусств... Что скажете теперь, после выступления?

— Конечно, мое появление на этом фестивале популярной музыки для многих стало сюрпризом. Но, во-первых, «Славянский базар» уже перешагнул границы какого-то одного стиля и жанра, а во-вторых, зрители хотя бы слышат старинные романсы и военные песни, и публика оказалась очень доброжелательной. Сцена и зал, несмотря на свои огромные размеры, показались мне весьма комфортными, обладающими хорошей аурой. Стоя на сцене, я охватывал взглядом практически весь зал и чувствовал реакцию зрителей. Потрясающий оркестр под руководством Виктора Бабарикина — молодые люди, энтузиасты. Красивые, влюбленные в искусство, яркие, амбициозные...

— На вашем концерте в Летнем амфитеатре собрались шесть с половиной тысяч зрителей! А перед какой самой большой аудиторией вам доводилось давать сольные платные концерты?

— Я не математик, подсчетами не занимаюсь, но когда пять-шесть лет назад совершал тур с военными песнями, в Волгограде собралось очень много людей. Зрители сидели, стояли в проходах, за забором стояли просто до горизонта. Может быть, я несколько преувеличиваю, но это было грандиозное зрелище, никогда его не забуду. В Петербурге мне довелось петь на Дворцовой. Ума не приложу, сколько зрителей пришло — пятьдесят, сто тысяч, а может, и больше...

От пения получаю море удовольствия

— Дмитрий Александрович, год назад в Концертном зале Мариинского театра вы вышли на сцену, но не смогли продолжить выступление... Такое случается?

— Случилось впервые... Знаете, человек — не машина. Голос, тончайшие связки зависят буквально от всего — от смены погоды, от настроения, от того, что ты поел — не поел, поспал — не поспал, и так далее. Жизнь певца сравнима с жизнью спортсменов. Спортсмены очень часто переживают серьезные травмы, которые потом месяцами лечат, и это никого не удивляет, потому что спортсмен обрекает себя на предельную нагрузку. То же самое происходит и с нами. Оперное пение — это не пение под микрофон. Это экстремальный процесс, в котором мобилизуется все — и физические ресурсы, и эмоциональные, что самое важное и главное. В концертном графике нередко бывают сбои. Поэтому иногда случаются такие вот казусы... Я, конечно, не должен был выходить на сцену, но Валерий Абисалович меня попросил. Я вышел и спел совершенно без голоса, у меня было кровоизлияние в связку. Это, конечно, был большой шок для публики, но, поверьте, это был не меньший шок и для меня.

— Как вы вообще заботитесь о своем драгоценном голосе?

— Всячески берегу. И это тоже как работа спортсмена — каждодневный тренинг, поддержание физической формы, постоянные занятия, концентрация, режим. Я в основном живу на Западе, где много делается государственными структурами для поддержания

здорового образа жизни. Так, во многих местах не разрешено курить, после определенного часа не разрешено пить, и вообще спиртное считается большим грехом. Сам я не делаю ни того ни другого. Занимаюсь спортом, чувствую себя прекрасно, чего и всем желаю.

— Интересно, во время исполнения арии или романса вы можете думать о чем-то постороннем? Бывают такие ситуации?

— Конечно, бывают. Но, думаю, зрителям об этом знать совсем не обязательно.

— Тем не менее вы не раз говорили, что получаете невероятное удовольствие от пения...

— Море удовольствия! Вообще пение — это очень интересный, очень емкий психофизический процесс. Это как «take love», что-то такое. Наверное, только с этим сравнимое. Когда ты в хорошей форме, у тебя прекрасное настроение, есть контакт с публикой, ты испытываешь огромное удовольствие.

— Вы успешный, талантливый, знаменитый... Как вы защищаетесь от врагов, завистников? У вас есть какие-то свои способы такой защиты?

— Наверное, нет.

— А что за кольцо у вас на руке?

— Это работа моего очень хорошего друга Андзи, дизайнера ювелирных изделий, она сейчас открыла свой магазин на 5-й авеню в Нью-Йорке. После кризиса многие знаменитые ювелирные магазины закрылись, а у нее дела на подъеме. У меня есть еще и пояс, и запонки от нее. Это все черные бриллианты.

«Дежавю» — это не попса...

— Ваш совместный проект с Игорем Крутым «Дежавю» наделал немало шума... Нашлись такие ревнивые поклонники, что заявили, будто Хворостовский изменил академической музыке и ударился в попсу... Пусть качественную, хорошо сделанную и записанную, но — попсу...

— Называйте как хотите... Но, на мой взгляд, «Дежавю» — это не попса. Мне кажется, у нас получилось определенного рода действие, шоу, спектакль и музыка. Могу признаться, что те ресурсы и затраты, которых потребовала музыка Крутого, стоят большой оперной партии. Мало кто решится исполнить 24 песни — такого диапазона, в различных стилях, на разных языках. Я не знаю такого эстрадного исполнителя, которому бы удалось что-то подобное. Мы выступали в Петербурге, Москве, на Западе... А недавно были в Астане, где я исполнял 12 песен Игоря Крутого, после чего очень устал.

— Почему российская эстрада не котируется на Западе?

— Во-первых, потому, что она не англоязычная. Есть, наверное, и во-вторых, в-третьих, но, честно говоря, я не в курсе.

— На премию «Грэмми» в последнее время часто номинируют российских звезд классической музыки...

— Не последнее время, а всегда.

— Почему несколько лет назад вы запели песни военных лет?

— А как я мог не запеть? С этими песнями я вырос. Запись этой программы — дань моим родителям. Эти песни мне не пришлось учить, мне нужно было их всего лишь вспомнить. Программа военных песен подготовлена не к какой-то дате, а всегда будет востребована.

Пока обо мне пишут другие

— Дмитрий Александрович, вы в расцвете сил и лет, но уже столько сделали, достигли огромных высот... Не пора ли подумать о мемуарах, рассказать о своей жизни, раскрыть тайны вокала?

— Пока что разные посторонние люди пишут книги обо мне. Я совершенно не в курсе. Книги выходят, меня постфактум ставят в известность. Меня же на мемуаристику не тянет. Понимаете, я сам не болтлив, не люблю рассказывать о себе, считаю, что нечего... И пока не вижу причины для написания книги о своей жизни, о том, что было со мной, что я сделал, о тех людях, что были рядом. А что до вокальных дел, то предпочитаю какие-то практические занятия. Даю мастер-классы, хотя редко, в основном на Западе. Чувствую себя в этой ипостаси не очень комфортно, тем не менее могу и это делать.

— Впервые на «Славянском базаре» День России выглядел не как гала-представление, а как ваш сольный концерт... Скажите, Дмитрий, какая самая лучшая песня о России?

— (Задумывается.) Хм... «Россия, Россия — Родина моя»?.. Нет, думаю, ничего такого экстраординарного про Россию не написано... Хотя... Интересный вопрос, мне надо задуматься, покопаться. Давайте отложим ответ на этот вопрос до нашей следующей встречи в Петербурге.

— Поделитесь своими творческими планами!

— Готовлю новую концертную программу с пианистом Ивари Илия, профессором Эстонской государственной консерватории. В феврале у нас большой американский тур: Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Вашингтон... Я уже выучил партию дона Карлоса («Эрнани») и начинаю учить Яго («Отелло»).

Беседовал Михаил Антонов, наш спецкор, фото Марии Кукатовой

Витебск — Петербург